

Мамиева Изета Владимировна

АРХЕТИП СКАЗИТЕЛЯ В ОСЕТИНСКОМ ЭПОСЕ "НАРТЫ"

В статье в контексте мирового эпосоведения рассматривается архетип сказителя в образе Сырдона - персонажа осетинских нартовских сказаний. Выявленные при атрибуции идентификационные признаки позволяют отнести его к "пороговому" ("лиминальному") типу личности. Сюжет об изобретении фандыра (двенадцатиструнной арфы), устойчиво привязанный к имени Сырдона, интерпретируется как акт "обратного жертвоприношения", имевший следствием пересмотр отношений в системе "свой - чужой".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/8-1/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. I. С. 119-121. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 801.81(470.65)+7.031

Филологические науки

В статье в контексте мирового эпосоведения рассматривается архетип сказителя в образе Сырдона – персонажа осетинских нартовских сказаний. Выявленные при атрибуции идентификационные признаки позволяют отнести его к «пороговому» («лиминальному») типу личности. Сюжет об изобретении фандыра (двенадцатиструнной арфы), устойчиво привязанный к имени Сырдона, интерпретируется как акт «обратного жертвоприношения», имевший следствием пересмотр отношений в системе «свой – чужой».

Ключевые слова и фразы: осетинский эпос; сказитель; Сырдон; амбивалентность; фандыр; ритуал; парадигма жертвоприношения; семантическое дублирование.

Мамиева Изета Владимировна, к. филол. н., доцент
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А
dzirasga@mail.ru

АРХЕТИП СКАЗИТЕЛЯ В ОСЕТИНСКОМ ЭПОСЕ «НАРТЫ»[©]

Сказитель – знаковая фигура в традиционном обществе, и это во многом благодаря кругу обязанностей, закреплённых за ним на раннем этапе деятельности. Генезис феномена сказителя дискутируется в науке по сей день, и превалирует при этом мнение о нём как о носителе «заповедной обрядовой мудрости» [2, с. 247], который наследует признаки и свойства, характерные для предшествующих типов посредничества между мирским и сакральными сферами бытия (жречество, шаманизм). Черты синкретизма в структуре образа сказителя, многоаспектность его функций в традиционной культуре народов Северного Кавказа рассматривались нами в ряде статей [9; 10]. Целью данной публикации является изучение сказительской ипостаси образа Сырдона – героя осетинской версии эпоса «Нарты».

Основная функция жреца в акте восстановления миропорядка – это жертвоприношение и молитва, обращённые к небесам. В камлании шамана, «соприродного хаосу существа», нейтрализация разрушительных сил достигается через транс-путешествия в нижний мир с целью заручиться поддержкой духов-помощников. Сказительское «жертвоприношение» же – создание особой реальности произносимого текста. Проигрывание мифологических событий «начала времён» так, словно они вершатся здесь и сейчас, предполагало их реактуализацию. То есть в мифологическом сознании древности сказитель «в союзе» с героями-богатырями не только возрождает стабильность и гармонию в виртуальном пространстве эпоса, но и проецировал это состояние на социальный мир самих слушателей [3, с. 83]. Отсюда ещё один нюанс сравнения с предыдущими магическими практиками: если «уходы» и «возвращения» шамана, равно как и акция жреца в каноническом жертвоприношении, есть метафора смерти-возрождения, то исполнением заповедных текстов сказитель, наоборот, сам как бы оживляет духов-персонажей эпоса и поле действия его – все три зоны вселенной. Поскольку в том, что контакт между эпическим песнопевцем и божествами, а также силами природы и обитателями нижнего мира реален, не сомневались ни сам Мастер, ни его слушатели¹, последние также становились «носителем коллективной эмоции, помогая сказителю одобрительными или порицательными репликами, междометиями... формульными фразами оценочного характера» [Там же, с. 83-84].

Мысль о глубинных связях и стадийной преемственности жреца, шамана и исполнителя эпоса неоднократно высказывалась в трудах отечественных учёных, опирающихся на анализ бытовой повседневности и, конечно же, на фольклорные источники. В. М. Жирмунский, например, тюркскую легенду о Деде Коркуте – герое древнего огузского эпоса, который хитростью выведал секрет изготовления кобыза у низших духов, расценивает как давний отголосок вышеуказанного единства функций: «Патриарх племени, прорицатель и шаман, в то же время создатель и хранитель народного эпического предания, Коркут носит яркие следы того

[©] Мамиева И. В., 2014

¹ Сохранилось немало преданий и устных рассказов о сакральности персоны сказителя и звучащего в его устах слова. Известна, например, история с «молельным сыном» Иналдыко Каллагова – сказителя из с. Джимара. Имея трёх дочерей, он, как всякий горец-кавказец, страстно мечтал о продолжателе рода. Рождение у него сына народная молва связывает с модальностью сакрального текста: во время шествия с Моздокской иконой Божьей матери из Куртатинского ущелья в Даргавское сказитель под ливневым дождём, не переставая, пел хвалу Пресвятой Богородице; тогда же он дал обет: при появлении долгожданного наследника наречь его в честь Матери Марии – на осетинский лад – Майрамом, что и осуществил впоследствии [13, д. 418, п. 137, л. 167].

О том, что в представлении осетин магической силой обладает не только текст в устах сказителя, но и слово, обращённое к нему самому, повествует легенда об известном в Осетии знатоке эпоса Гаха Сланове (1836-1924), точнее, о месте его захоронения. Сказывают, ночь застала путника в горах: впереди деревянный мост, перекинутый над обрывом, внизу, грохоча, сходятся два водных потока. Конь в испуге встал, как вкопанный; самого всадника тоже обуял страх. И тогда в отчаянии он воззвал к Гаха о помощи («О, Гаха! Баххуыс мын кæн!»). Сноп света вспыхнул и завис над мостом, всадник пересёк опасный участок, и всё вокруг снова погрузилось во мрак [6].

древнего синкретического типа народного певца, из которого в дальнейшем дифференцируется профессиональный сказитель богатырского эпоса» [7, с. 405]. А вот поразительная аналогия из другой этнической культуры – персонаж осетинских сказаний Сырдон, единый в трёх ипостасях. Герой известен как предсказатель-мудрец («он знал то, что было и что произойдёт»), к которому в особо трудных ситуациях отсылает нартов за советом другой гений ума эпоса – Шатана. Дар к перевоплощению и путешествиям в иные миры характеризует его как шамана. И он, наконец, – создатель арфы и первый сказитель-летописец как собственной трагической судьбы, так и истории нартовского рода-племени.

По представлениям древних, процесс гармонизации вселенских сил предусматривал единство слова и звука – синкретизм вербального текста и его ритмомелодийной формулы. Учёные усматривают следы мифологии и магии уже в самой «технологии» изготовления музыкальных инструментов, в правилах пользования ими, в информации об особой скрытой их силе и пр.

Большой сложностью отличается руководство по изготовлению *кобыза*, раздобытое Коркут-атой¹ у шайтанов [14, с. 82]. Не менее интересны факты, почерпнутые из других этнических культур. Подставка монгольского *хучира*, по преданию, должна быть сделана из кости человеческого подбородка. В этом случае инструмент якобы «поёт» с особой выразительностью. Для смычка рекомендовали брать волос из хвоста «лошади измученной» – тогда ему под силу воспроизвести все оттенки настроения и душевного порыва исполнителя [Там же, с. 51]. Надо полагать, и лодка Вяйнямейнена, героя карело-финского эпоса, вполне «осознанно» наскочила у речного порога на фантастических размеров щуку, чтобы дать гребцу возможность смастерить *кантеле* из её челюстей² [8, с. 222-225], дабы тот впоследствии смог очаровывать своим искусством весь природный мир и даже духов-хозяев воздуха, земли и моря.

На стыке беспредельной скорби и всеочищающего катарсиса рождается в осетинском эпосе сырдонов *фандыр*. Обнаружив в кипящем котле останки детей, поверженный горем отец из плечевой кости одного из сыновей смастерил каркас инструмента, натянул на неё двенадцать жил, что несли кровь к сердцам остальных. И ударил Сырдон по струнам чудесной арфы, изливая в поминальном плаче неизбывную боль. В исполняемых Сырдоном сказаниях заключено знание относительно важнейших явлений бытия, таких как этническая самоидентификация, стремление сохранить и обессмертить не брэнную оболочку, а душу народа. Иными словами, фандыр Сырдона – своеобразный код, генетическая матрица нартовского мира: «Нарты пустили фандыр [по кругу] и сказали друг другу: –Даже если все до одного погибнем, пусть этот фандыр пребудет вовеки, а кто будет играть на нём и вспоминать нас, тот и будет нашим!» [11, с. 207].

Учёные включают категорию народных песнотворцев в группу лиминалий (от лат. *limen* – порог) [4, с. 15; 15, с. 198] – индивидов, отмеченных двойственностью, амбивалентностью, транзитностью состояния (экскурсы между мирами). Сырдон осетинского эпоса «Нарты» и есть выраженный тип «пороговых людей». На это не раз обращали внимание видные зарубежные и отечественные учёные Ж. Дюмезиль [5, с. 92, 112-131], В. И. Абаев [1, с. 193-194] и др. Инаковость персонажа маркируют его рождение от связи земного человека и иносущества (с обилием в сюжете гендерных вариаций и физических трансформаций: дьяволица, змей, дух-посредник и пр.), межовой пространственный локус (лабиринт и дом под мостом). А самое главное – в образе Сырдона, как представляется, реализована парадигма «обратного жертвоприношения» [12]: из хтонической зоны в «срединный мир» – через гибель детей и сакральный дар нартам (фандыр). Или, используя терминологию основателя теории лиминальности А. ван Геннепа, инициантом осуществлён процесс «реагрегации»: согласно концепции обрядов перехода финальная фаза транзитности предполагает возврат в социум в ином, обновлённом статусе [4, с. 15]. Собственно, что мы и наблюдаем в сказании «Гибель детей Сырдона, или Как появился фандыр»: герой-маргинал, дотоле энергично отторгаемый обществом, признан своим («с этих пор будешь нам братом») и получил право проживания в Нарте. В свете анализируемого сюжетного события эпизод умерщвления сыновей Сырдона-«чужака» открывается во всей своей архаической сущности. Мы, по всей видимости, сталкиваемся здесь с отражением специфики первобытного мировосприятия, передаваемого формулой: «нетотема убивают и съедают, и он становится опять тотемом...» [17, с. 64]. Это не что иное, как *миф о смерти, каковая есть рождение*. Нас не должно смущать то, что Хамыцом (жреческая ипостась которого доказательно очерчена современным исследователем [18, с. 246-254]) в котёл брошен не Сырдон, а его дети: это лишь семантическое дублирование элементов композиционного состава мифа. Принцип «несменяемой смены» в механике первобытной мысли срабатывает и впоследствии. Сырдон – даритель фандыра, смастерённого из останков сыновей, уже сам выступает в образе *жертвоприносящего* – «раздатчика частей тотема» [17, с. 42].

Методология работы с мифом в целях выявления его древнейшей версии предписывает очистить его от временных наслоений – более поздних мотивировок, характеристик, «этических абстракций». Это мы и

¹ В пользу мысли о доминировании сказительского начала над шаманским и жреческим свидетельствует пересмотр этимологии имени Коркут, точнее, слов-приложений к нему – «ата» и «деде»: по утверждению ряда исследователей, они указывают не на возраст, как было принято считать ранее, а на профессию; следовательно, «Коркут-ата», «Коркут-деде» должно переводить не как «старец» или «дед», а как «жырау», т.е. «сказитель, песнопевец Коркут» [16, с. 240].

² В память о кантеле Вяйнямейнена, надо полагать, в 2012 году в Хельсинки, на площади у Дома музыки, состоялось открытие скульптурной композиции «Поющие деревья», в центре которой – громадная фигура «поющей» щуки (высотой 13 метров), стоящей на хвосте. На создание данного произведения скульптора Рейо Хукканена вдохновило, по его словам, стихотворение «Песня щуки» (1928) финского поэта Ааро Хеллакоски.

попытались сделать, дабы увидеть в убийстве *детей* заместительную жертву в отношении *отца* (подобными явлениями изобилует мировой эпос), а в сырдоновом даре нартам – символическую раздачу частей жертвоприношения тотемному племени. Мы полагаем, что лишь впоследствии семантика дара Сырдона начала осмысливаться как в корне иной способ обретения вечности, манифестацией которой выступает историческая память. Иными словами, на смену понятию цикличности времени пришло осознание и принятие эпическими песнотворцами времени линейного, исторического.

Сказанное позволяет утверждать, что осетинский Сырдон, равно как старейший Вяйнямейнен у финнов или Деде Коркут тюркского мира, всецело вписывается в концепцию синкретичности древнего певца-мага, на качественно ином уровне соединяющего в себе черты жреца, шамана и собственно эпического песнопевца. Сказительство в его лице есть уникальный тип посредничества между людьми и другими сферами Вселенной.

Список литературы

1. **Абаев В. И.** Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ: Ир, 1990. 640 с.
2. **Веселовский А. Н.** Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 404 с.
3. **Гекман Л. П.** Сказитель как медиатор между сакральным и профанным уровнем бытия в традиционных культурах Сибири // Вестник АлтГТУ им. И. И. Ползунова. 2006. № 1. С. 78-84.
4. **Геннеп А., ван.** Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
5. **Дюмезиль Ж.** Осетинский эпос и мифология / пер. с франц. яз. М.: Наука, 1976. 276 с.
6. **Есен М.** Сарматская арфа, или Фандыр Сырдона [Электронный ресурс]. URL: <http://www.region15.ru/articles/2924/2011/> (дата обращения: 11.03.2013).
7. **Жирмунский В. М.** Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л.: Наука, 1979. 494 с.
8. **Калевала.** М.: Художественная литература, 1956. 285 с.
9. **Мамиева И. В.** Институт эпического сказительства на Северном Кавказе: универсалии и этноспецифика // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2012. Вып. 8 (47). С. 60-79.
10. **Мамиева И. В.** Сказитель и его функции: к вопросу об архаическом синкретизме // Вестник СОГУ. Владикавказ, 2013. № 2. С. 174-180.
11. **Нарты:** в 3-х кн. М.: Наука, 1989. Кн. 2. 492 с.
12. **Наурызбаева З. Ж.** Мифоритуальные основания казахской культуры: автореф. дисс. ... к. филос. н. Алматы, 1994. 23 с.
13. **Научный архив СОИГСИ.** Ф. 12. Оп. 1.
14. **Путилов Б. Н.** Эпическое сказительство: типология и этническая специфика. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 295 с.
15. **Тернер В.** Символ и ритуал: исследования по фольклору и мифологии Востока. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1983. 277 с.
16. **Турсунов Е. Д.** Происхождение носителей казахского фольклора. Алматы: Дайк-пресс, 2004. 322 с.
17. **Фрейденберг О. М.** Миф и литература древности. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.
18. **Цагараев В. А.** Золотая яблоня нартов. Владикавказ: Республиканское издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2000. 300 с.

ARCHETYPE OF A NARRATOR IN THE OSSETIAN EPOS “NARTY”

Mamieva Izeta Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

*V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences and Government of the Republic of North Ossetia-Alania
dzirasga@mail.ru*

The article in the context of the world epos studies examines the archetype of a narrator in the image of Syrdon – a personage of Ossetian Nart sagas. Identity criteria revealed during attribution allow referring him to the “liminal” type of personality. The plot about invention of fandyр (twelve-string harp) closely associated with the name of Syrdon is interpreted as an act of “reverse sacrifice” resulted in the revision of relations in the “friend-or-foe” system.

Key words and phrases: Ossetian epos; narrator; Syrdon; ambivalence; fandyр; ritual; paradigm; sacrifices; semantic duplication.